

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:**

**М. Матковский
ПОПУГАЙ
В МЕДВЕЖЬЕЙ БЕРЛОГЕ**

**Т. Кандаля
ШАССЕ-КРУАЗЕ**

**Л. Трахтенберг
НА НАРАХ
С ДЯДЕЙ СЭМОМ**

**К. Сапгир
ДВОР ЧУДЕС**

**А. Хомченко
ПТИЦА**

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

АЛЕКСАНДР
ГАДОЛЬ

ALEXANDR
GADOL

РЕЖИССЁР

**ИНСТРУКЦИЯ
ОСВОБОЖДЕНИЯ**

DIRECTOR.
INSTRUCTIONS
FOR LIBERATION

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Г13

Оформление серии — *Петр Петров*

Гадоль, Александр.

Г13 Режиссёр. Инструкция освобождения / Александр Гадоль. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (.RU_Современная проза русского зарубежья).

ISBN 978-5-699-94351-7

Действие романа «Режиссёр. Инструкция освобождения» происходит в городе на семи холмах: им может быть и Киев, и Днепр, и Москва, и множество иных городов. Эта непривязанность к конкретному городу служит приемом обобщения, распространением действия на все обитаемые места, где есть тюрьмы, а они есть везде, куда приходит человек. В городе, описанном в романе Александра Гадоля, протекает узнаваемая, вполне современная жизнь с ее мошенниками, ментами и подкупными судьями, имеющая точную временную привязку к той стране, где «пионеров уже лет двадцать не принимали в пионеры» и где тюрьма — один из самых востребованных институтов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94351-7 © Гадоль А., 2017
© Оформление. «ООО Издательство «Э», 2017

РЕЖИССЁР

ИНСТРУКЦИЯ
ОСВОБОЖДЕНИЯ

1

Большее всего на свете он боялся, что его запрут в комнате, набитой людьми, и его заперли в комнате, набитой людьми. Хата маленькая, на семнадцать нар, и переполнена, как трамвай в час пик. Люди входят и не выходят. Он жил в этом трамвае пять лет и многому научился. Научился жить без свежего воздуха, чистой воды, нормальной еды и одиночества, делать четки из расплавленных бутылок, ножи из кипятильников, шила из бритвенных станков, плести коня, метать ножи, спать при ярком свете и громкой музыке, не замечать клопов, мышей, клещей, тараканов, холод, жару, спертый воздух, обоссанные матрасы, людей, которые его ненавидят, тихо срать, незаметно плакать, теряться из виду, видеть, слышать, смотреть на одно и то же и замечать каждый раз разное, сходить с ума и возвращаться обратно, предугадывать события в замкнутом пространстве, мастерски играть в шахматы, сносить побои, драться быстро и качественно, различать людей, давать им что они хотят и забирать

у них что ему нужно, верить без сомнений, отвечать на искушения твердым «нет» либо твердым «да», любить, как в книжках пишут, безответно и с ответом и ненавидеть, как бывает в кино.

Он был холоден и горяч. Испытал разное и помнит такое, что кажется, будто это было не с ним. Накопилась уйма интересных искрящихся мелочей. Всего понемногу. Он переполнен людьми, событиями, переживаниями. Он — маленькая копилка, набитая под завязку, не в силах двинуться с места, чтобы не нарушить и не расплескать. Он говорит, а оно лезет наружу. Чуть двинется, а оно сыплется через край. Оно бродит в нем, перегнивает, соединяется в новое, такое, чего не было, а теперь оно есть. Куда оно надевается, когда его не станет? Столько опыта, счастья и бед? Куда оно? Исчезнет с ним? Такая вкусная конфетка-ассорти.

Теперь он Супермен с планеты Криптон, где среди других суперменов был, как все, обыкновенным, а на Земле стал Суперменом. И когда его выпустят в мир, а его выпустят, ибо деваться некуда, то мир его больше не съест. Он этот мир сам съест.

2

Когда я начинал эти записи, то не знал, чем все закончится, поэтому часто сбивался на настоящее время. Я мог это исправить, но не исправил, потому

что так мой рассказ похож на кино, где все происходит в настоящем времени, а значит, по-настоящему.

Может показаться, что текст излишне сух и избыточен штампами. Но этому есть оправдание. На стиль и манеру моего письма повлияла желтая книга, составленная из мудрых цитат царевича Сиддхартхи Гаутамы и его приспешников. Находясь под впечатлением от этой книги, я писал цельными устоявшимися фразами, какими говорят герои фильмов. Такая манера экономит бумагу, а в тюрьме бумаги всегда не хватает.

3

Тюрьма, где я был, построена из мусора. Из старых разрушенных домов взяли битые кирпичи, кафель, ржавые трубы и старые чугунные унитазы. Краской для пола покрасили нары. Намордники на окнах — отходы производства пивных крышечек, а решетки — ржавые железяки, выдранные из бетонных плит.

По сути, тюрьма — свалка строительных отходов. Огромная мусорная куча, отсортированная и выложенная домиком. Живут в ней люди, которых другие люди признали отбросами. Питаются отбросы тем, что на воле выбрасывают на помойку.

Тюрьма с момента постройки выглядит развалиной. Новой ее никто не видел, даже старожилы.

лы — рецидивисты, у которых по сто отсидок. Ее латают, конопатят, стягивают винтами, она вот-вот развалится, и это «вот-вот» рождает смутную надежду. Но тюрьма стоит, и если подсчитать, как долго она стоит, то надежда — не надежда, а безнадега.

Глядя на трещины, дыры, гнилую штукатурку, плесень, тараканов, клопов и следы чесоточных клещей на моих запястьях, я мечтал о разрушении. Я хотел, чтобы началась революция, война, снаряд попал в стену — и мы сбежали. Взрыв, война, любой катаклизм, вплоть до конца света, — об этом мечтают все зэки, интуитивно догадываясь, что без разрушения свободы не бывает.

Я фантазировал про яйцо и цыпленка. Яйцо разбивается, и появляется цыпленок. Эта метафора взбадривала по утрам, где-то между семью и десятью часами, когда в хате было тихо. Большинство арестантов отсыпалось после ночи, а большинство не создавало шума, чтобы большинство подольше не просыпалось.

4

Каждое утро проверка. Продольные заходят с наигранной смелостью, как дрессировщики в клетку с равнодушными зверьми. По углам брендспойты, на ремнях игрушечные револьверы. В камере жарко и пахнет зверинцем. Зэки в трусах.

Глаза потускневшие, как у старых свиной, жопы грязные, зубы стертые.

Все мы едим свиное сало в невероятных количествах, чтобы не заболеть туберкулезом. Оно не портится от жары, только желтеет. Когда сало невыносимо есть свежим, его варят с чесноком или жарят кипятивльником.

Кипятивльничек — тюремный швейцарский нож. Он может то, чего другие не могут. Кипятивльничек распускают на заточки. Заточками режут хлеб, сало, вскрывают вены на локтевых сгибах.

Кипятивльничек может пригодиться на необитаемом острове, если на остров попадет зэк, а не кто-то другой. Другому кипятивльничек не пригодится.

5

Я спрашивал любого зэка, а что бы он выбрал — десять лет на острове или пять лет в тюрьме?

Зэк отвечал — на острове.

Суши из японского ресторана или мороженое?

Мороженое.

Дюжину устриц или яичницу?

Яичницу.

Бутылку шампанского или кружку чистой родниковой воды?

Зэк отвечал: «Шампанское», а потом, подумав, отвечал: «Воды».

Бывало, заходила кому-то чистая вода из артезианских источников. Мне доставалась кружка холодной очищенной воды. Я сразу чувствовал разницу между водой со свободы и водой из тюрьмы. Разница такая, что хотелось плакать.

6

Из зловонной ниши под названием «дворик для прогулок» видно только небо. Небо сквозь сетку кажется близким и далеким. «Доступным и недоступным, как раскаявшаяся порнозвезда», — так однажды пошутил Режиссер, глядя вместе со всеми на решетчатый потолок.

Все, кто стоял рядом с ним в тот день, сделали вид, что не расслышали, а Режиссер сделал вид, будто разговаривает сам с собой. Вместе они сделали вид, и это их немного сблизило. Режиссер — это я. Такой мой навес, то есть тюремное имя.

7

Дворик для прогулок — мерзкое место. Шершавые стены. Углы заплеваны желтой дрянью. Зэки выходят во дворик прохаркаться после пыльной камеры. Их мокрота скапливается по углам.

На стены лучше не смотреть — вся нижняя часть покрыта присохшими нечистотами из вос-

паленных носоглоток. Лучше смотреть на небо, но и небо загажено решеткой.

На стене бывает солнечная полоска. Можно на цыпочках дотянуться до нее и позагорать. Веки просвечивают красным, и под кожей образуется витамин D. Чувствую себя растением. Фотосинтез и прочее. Думаю обо всех райских местах, какие видел на картинках. Безлюдные пляжи, пальмы, леса, поля и морские просторы. Все райское безлюдно. Где нет людей, там только звезды. Мечта о необитаемом острове — моя любимая мечта.

8

Когда-то на месте тюрьмы было райское место. Давным-давно, когда людей здесь не было, только животные. Был пруд, плавали кувшинки, небо отражалось в застывших водах. Изредка медведь доставал карасей. Лоси приходили на водопой. Все делалось тихо, даже птицы пели так, чтобы не нарушить и не расплескать.

Небо над всем было огромное, не поделенное на квадратики. Солнце светило беспрепятственно до самой земли, не упиралось в бетон или чью-то небритую заспанную харю.

С закрытыми глазами хорошо слышны звуки со свободы, будто стены исчезли и я на улице, рядом с людьми и машинами. Звуки свободы — это звуки проезжающих мимо машин.

Все смотрят на небо, потому что смотреть больше некуда. На стены смотреть противно. На воле неба навалом, но никто на него не смотрел по-настоящему. Там жмурились от солнца и прятали глаза за темными очками. А здесь, без сантиментов, как животные, а не поэты, любят облаками. Заглядывают в небо и похожи на падших ангелов из глубин ада.

9

Я попал в тюрьму по неосторожности. То есть я был предпоследним, от кого отрикошетила судьба и прибила последних. Как в футболе — гол забивает тот, кто последний дотронулся до мяча.

Мое преступление считается тяжелым. Это не юридическая классификация по степени тяжести, а реальная тяжесть. Многие не выдерживают ее и спешат умереть, чтобы облегчиться. Совершить такое преступление — все равно что неизлечимо заболеть или на всю жизнь покалечиться.

10

С виду я не преступник, и судья сжалился надо мной. Мне дали подписать бумажку — подписку о невыезде: письменное обещание не покидать пределы города, а если покину, то мне смерть. Так

можно сказать про тюрьму, что она как смерть. Для меня это одно и то же. Я боялся тюрьмы, как смерти не потому, что страшные слова созвучны, а потому, что все знают, что в тюрьме страшно.

Все, кто знает, что в тюрьме страшно, в тюрьме не сидели, но уверены, что тюрьма — страшное место и лучше там не сидеть. Я тоже знал. Наверное, это знание из того же источника, что страх перед смертью. Никогда не умирал, а знаю, что умирать страшно.

11

Адвокат сказал:

— У тебя два шанса избежать тюрьмы. — Сказал и показал два пальца, указательный и средний, как знак победы или мира, или международного обозначения четверти виски «на два пальца». — Первый — сбежать, а второй подкупить судью и прокурора.

— На первый у тебя нет денег, — сказал он, — на второй тоже. Значит, ищи бабло. Для этого тебя и выпустили на подписку, понял? Тебе доверяют, так что не подведи. Судья очень рискует, все рискуют. Дело за тобой. Найдешь бабло — будешь в шоколаде, а нет — так нет.

Я поверил адвокату. Других вариантов не было. Мне хотелось кому-то верить, потому что себе больше не верил.